

Филипп Шмиттер

ЗАЧЕМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ?¹

Вопрос о том, нужно ли — и, если да, то когда — конституционализировать Европейский Союз, всерьез начал обсуждаться после выступления Йошки Фишера в Университете Гумбольдта в 2000 году. После этого практически во всех странах-членах ведущие политики сочли необходимым высказать свое мнение по этому вопросу. Не удивительно, что их представления о том, каким именно должно было быть содержание европейской конституции, весьма разнились. Одним она была нужна для того, чтобы ограничить дальнейший рост полномочий ЕС; другим — для того, чтобы обеспечить возможность для проведения еще более широкой программы в большем числе стран-членов. Но относительно двух вещей существовало общее согласие: (1) ЕС не может дальше опираться только на соглашения, которые должны периодически пересматриваться и ратифицироваться каждой страной-членом хотя бы потому, что это было уже непросто с 15 странами-членами и стало еще сложнее с 25 странами-членами; (2) чем раньше произойдет изменение фундаментальной основы европейской интеграции, тем лучше.

Я убежден, что эти послышки были (и остаются) ложными. ЕС не нужна конституция и не только потому, что ему вполне неплохо и с квазиконституцией, основанной на последовательных соглашениях, но и потому, что гибкость, которая обеспечивается отсутствием согласованного распределения компетенций между ним и его странами-членами и особенно отсутствием общего определения его политической цели (т. н. *finalité politique*), это именно то, что потребуется ЕС в будущем, когда он столкнется с двойкой задачей приспособления к последствиям валютной унификации и исправления искажений, созданных расширением.

Кроме того, история показывает, что ЕС не готов к полномасштабной конституционализации своего политического устройства. В отсутствие революции, *coup d'Etat*², освобождения от иностранной оккупации, поражения

1. Philippe Schmitter, 'Why Constitutionalise the European Union,' in R. Rogowski and Ch. Turner (eds.), *The Shape of the New Europe*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2006, p. 46–57.

2. государственный переворот (*фр.*).

или победы в международной войне, вооруженного конфликта между внутренними соперниками, устойчивой мобилизации городского населения против *Ancien régime*³ и/или серьезного экономического провала, практически ни одна страна-член не способна найти «пространство политических возможностей» для серьезной перестройки своих правящих институтов.⁴ Тот факт, что все они (за одним исключением) имеют писанные конституции и что это служит *sine qua non*⁵ сохранения демократии, свидетельствует о том, что со временем проблема будет решена, если произойдет заметная демократизация ЕС. И попытка решить ее «чем скорее, тем лучше» (в 2003–2004 годах) явно была преждевременной. Разработка, распространение и обсуждение различных проектов потенциальной европейской конституции не вызвали или почти не вызвали никакого отклика. Это могло быть обусловлено не столько худшим качеством политического и юридического таланта, который занимался созданием этих впечатляющих документов, сколько тем, как они создавались и обсуждались. Но какое-то сходство с проектом конституции, предложенным в 2004 году, все же присутствует. Проблема явно заключалась в том, как создавался этот проект.⁶

Определяющую роль здесь сыграло представление о том, что конституционализация Европы должна быть одновременным событием, а не постепенным и прерывистым процессом; а заниматься этим должны эксперты (главным образом специалисты по конституционному праву), не связанные с заинтересованными группами и широкой общественностью.⁷ Считалось, что только таким специалистам можно доверить создание целостного и последовательного проекта, который не будет отражать эгоистические цели политиков и их окружения.⁸

На мой взгляд, такая *au-dessus de la mêlée*⁹ стратегия могла неплохо работать в прошлом, когда некая чрезвычайная ситуация обеспечивала контекст для

3. Старый порядок (*фр.*).

4. Я могу вспомнить только один чистый случай: Швейцарию начала 1870-х годов. Было бы любопытно рассмотреть это исключение, хотя тот факт, что в этой стране тогда была «однопартийная система» (*Freisinnige/Radical*), должен быть важным фактором — и повторение этого на уровне ЕС невозможно.

5. неперемное условие (*фр.*).

6. Надо признать, что форма Конвента сама по себе не отличалась особенной новизной. Несмотря на сознательные усилия, направленные на получение отклика в гражданском обществе и у профессиональных экспертов, этот процесс, если не брать в расчет многочисленные специализированные группы, так и не смог привлечь внимания более широкой публики; и это служит подтверждением моего наблюдения, что время для этого было выбрано неудачно. Практически никто, за исключением участников Конвента, не видел в этом необходимости.

7. Как уже отмечалось, Конвент не отличался особенной открытостью, но и не был закрытым, хотя ближе к концу разработкой проекта занималась небольшая исполнительная группа.

8. Тот факт, что некоторые из этих проектов конституции поступили от Европейского парламента и что одной из их наиболее явных целей было расширение полномочий самого этого института, свидетельствует о необходимости принятия во внимание «институциональных», если не «личных», интересов.

9. над схваткой (*фр.*).

обсуждения и выбора. Она не создаст того же желаемого результата в случае с ЕС по той простой причине, что никаких чрезвычайных ситуаций нет уже целых полвека!¹⁰ На мой взгляд, совершенно необходима новая стратегия с более широкими временными рамками, которая целенаправленно попытается вовлечь заинтересованные группы и широкую общественность в участие на различных этапах процесса. Только сознательная политизация проблем, связанных с Европой в целом, и постепенная выработка ожиданий, связанных с более определенным набором правил относительно гражданства, представительства и принятия решений, позволяет представить успешную конституционализацию ЕС.¹¹ Но страны-члены никогда прежде не сталкивались с такой задачей, а ЕС не является простым повторением предшествующих процессов национального и государственного строительства, так что происходящее само по себе беспрецедентно.¹²

С самого начала необходимо открыто признать неясность перспектив и возможных путей конституционализации ЕС. Специалисты по конституционному праву и «федералисты» привыкли думать, что такой «подписанный, скрепленный печатью и ратифицированный» документ просто необходим для упорядоченного развития политического процесса. Но ЕС неплохо удавалось обходиться со своим *pastiche*¹³ договоров и соглашений, которые сами по себе уже превратились в квазиконституцию.¹⁴ Более того, еще до достижения согласия по нынешнему тексту у каждого участника — политиков и специалистов по конституционному праву — имелся свой предпочтительный формат, основанный на предшествующем национальном опыте в Европе и Северной Америке и простирающийся от конфедерации с широкими и свободными связями до очень тесной федерации, включая множество промежуточных вариантов.

Но наиболее серьезной проблемой была проблема устройства. Даже при наличии конституции и согласии всех членов не было никаких оснований считать, что она окажет одинаково (как предполагалось, благотворное) влияние при применении на наднациональном уровне. Потому что, вопреки представлениям разного рода евроскептиков или просто антиевропеистов, ЕС все еще остается *un objet politique non-identifié*¹⁵, а не государством, конституционализированным в качестве конфедерации или федерации (или вообще чего-то третьего). Серьезные изменения в масштабе, необычайная гетерогенность интересов, прочные национальные (и субнациональные) идентич-

10. Если бы они и возникли, многочисленные «кризисы», вызванные расширением на Восток, а также политизацией на национальном уровне в ответ на введение единой валюты и серьезные недостатки в других политических областях, проще было бы решать путем эпизодических межправительственных переговоров.
11. Согласие между главами стран-членов ЕС относительно конституции, ратификация которой сталкивается с серьезными трудностями, — совсем не то же самое, что и успешно конституционализированный ЕС.
12. Об этом я писал и раньше: Scmitter 1996.
13. подражание, подделка, имитация (*фр.*).
14. О «квазиконституционном» статусе соглашений ЕЭС/ЕС см.: Weiler 1996.
15. «неопознанный» политический объект (*фр.*).

ности его граждан, более широкий спектр уровней развития и — самое главное — беспрецедентный характер его постепенного и добровольного формирования — все это делало конституционализировавшееся европейское политическое объединение куда менее предсказуемым в сравнении с более ранними национальными усилиями.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ

Если бы изначальная неопределенность и непредсказуемость попыток конституционализации ЕС была признана открыто, ответ был бы очевиден: нужно было бы апеллировать к коллективному благоразумию граждан Европы и попытаться убедить их в том, что их ожидания и надежды могут быть осуществлены. Такое предложение не было бы популистским призывом, который предполагает, что «народ» (ничего такого в Европе нет) един и знает, чего он хочет и что должно быть учтено при создании конституции в ходе широкого, массового обсуждения. Это просто разумное наблюдение. Особенно когда эксперты не знают прямо, чего желают их клиенты или что нужно сделать, чтобы удовлетворить их желания, имеет смысл не забегать вперед, а начать постепенные попытки убеждения европейских граждан задуматься о метаправилах, которые в конечном итоге определяют подотчетность их правителей. И сделать это до того, как кризис вынудит их действовать более поспешно и менее обдуманно. Несомненно, первые результаты такого «общения с народом» будут неоднозначными и заметно варьирующимися от одной страны или региона к другой, но рассматриваемые как процесс, который может занять двенадцать-пятнадцать лет, такие усилия имеют смысл. Кроме того, если бы все делалось открыто, собранная информация была бы бесценна для создания гибкого и асимметричного институционального формата, отвечающего складывающемуся европейскому политическому объединению намного лучше, чем более классические федеративные и конфедеративные форматы.

Далее я предложу описание консультационных демократических процессов, которые могут быть организованы не просто в качестве дополнения к конституционализации, а в качестве основного и определяющего ее элемента. Тот факт, что ничего подобного никто и не пытался сделать, на мой взгляд, свидетельствует не столько об отсутствии реализма или о нехватке демократии в самом ЕС, сколько о полном отсутствии политического воображения. До тех пор пока не будет осознано своеобразие ЕС, эти недостатки будут присутствовать и дальше при обсуждении ЕС на самом высоком уровне. Поскольку процесс, нацеленный на окончательное заключение конституционного соглашения, в настоящее время утратил всякий смысл в результате референдумов во Франции и Нидерландах, завершившихся голосованием против проекта, имеется вероятность того, что на смену такому хаосу сможет прийти нечто более упорядоченное.

Представим сначала, что референдум связан с намеченными выборами в Европейский парламент. Представим далее, что, вопреки распространен-

ному представлению, референдум — это просто выбор между «да» и «нет» в ответ на вопрос, сформулированный политиками, для которых «да» — единственный приемлемый ответ, перед избирателями поставят следующий вопрос:¹⁶

Нужно ли провести выборы депутатов (не сейчас, а в будущем) в Европейский парламент, образующий конституционное собрание для рассмотрения черного варианта демократической конституции Европейского Союза?

Выберите один из трех вариантов:

- 1) Нет, существующие институты ЕС должны изменяться только в соответствии с договорами, которые обсуждаются и ратифицируются его суверенными странами-членами.
- 2) Да, но конституционное собрание должно уделить основное внимание ограничению полномочий ЕС и обеспечить сохранение суверенитета его стран-членов.
- 3) Да, и конституционное собрание должно подготовить черновой проект, предусматривающий, что институты ЕС могут эффективно действовать в интересах Европы в целом, даже если это означает ограничение суверенитета стран-членов ЕС.

Несмотря на грубость предложенных формулировок, нетрудно понять основную идею. Гражданам ЕС нужно предложить некий метаполитический выбор, результат которого, насколько я могу судить, будет крайне неопределенным. Его можно даже повторить несколько раз, пока явное большинство не предпочтет последние два позитивных варианта. Но пока в обществе в целом нет относительного согласия, все усилия отдельных групп политиков или экспертов, направленные на конституционализацию, будут тщетными. Особенно важно, чтобы граждане ЕС знали заранее (то есть за пять лет до созыва парламента), что такая возможность существует, и чтобы они сознавали, что процесс конституционализации будет по-настоящему открытым и конкурентным. Несмотря на относительный успех антиевропейских партий на европейских выборах в июне 2004 года, такие выборы все равно создают собрание, предпочтения которого остаются заметно более «федеративными» по сравнению с предпочтениями населения в целом. Очевидно, что низкая (и сокращающаяся) явка избирателей на европейские выбо-

16. Одна из второстепенных проблем связана с тем, что одна из стран, а именно — Великобритания, до недавнего времени продолжала использовать простую мажоритарную систему для избрания своих европейских представителей. Идеальной системой стало бы пропорциональное представительство, основанное на закрытых списках (чтобы способствовать развитию внутрипартийной дисциплины для субнациональных избирателей, по крайней мере, в больших странах и странах с сильным региональным диспаритетом или идентичностями).

ры сама по себе представляет серьезную проблему. И все же можно ожидать, что перспектива конституционного собрания, предлагающего соперничающие представления относительно будущего европейского политического объединения, послужит достаточным стимулом для того, чтобы убедить евроскептиков и даже еврофобов принять участие в обсуждении, а не срывать его. В результате будет создано собрание представителей, лучше отражающее весь спектр предпочтений граждан и способное привести к созданию особой «европейской публичной сферы» во время его работы. Необходимо напомнить, что публичная сфера в классическом хабермасовском смысле существует только в наиболее развитых формах.

Последующие действия, естественно, будут сложными и многоуровневыми, но с самого начала должно быть заявлено следующее: (1) ни одно официальное действие, связанное с подготовкой проекта европейской конституции, не должно совершаться без поддержки значительной частью избирателей в большинстве стран-членов второго или третьего варианта; (2) если принявшая участие в голосовании публика разделится на тех, кто поддержит «конфедеративный» вариант ограничения полномочий ЕС, и тех, кто поддержит «федеративный» вариант их расширения, последующая разработка проекта должна производиться в двух параллельных конституционных собраниях, которые будут поддерживать контакт друг с другом и иметь немало сходств (например, в вопросах основных прав), но при этом они будут стремиться к созданию альтернативных текстов; (3) ожидается, что избранные представители будут следовать «наказу» своих национальных или региональных избирателей,¹⁷ то есть они будут участвовать либо в конфедеративном или федеративном процессе обсуждения, в зависимости от того, как пойдет голосование (предположительно, представители избирателей, которые отдадут предпочтение первому варианту, не будут участвовать в работе этих собраний); (4) но, как только начнется процесс разработки проекта конституции, и представители придут к лучшему пониманию проблем, им будет позволено переходить из одного собрания в другое, но ответственность за этот переход будет персональной, и они обязаны будут объяснить перед своими избирателями (представители избирателей, поддержавших первый вариант, также смогут изменить свое мнение и присоединиться

17. Возможным возражением против этого предложения может быть то, что результаты голосования по округам в одной стране будут различаться, не распределяясь просто между существующими политическими партиями. На самом деле, принимая во внимание внутренние расколы, которые могут наблюдаться по куда менее важным проблемам, можно представить, что европейские представители, избираемые даже от одной партии, могут представлять избирателей, предпочитающих совершенно иной тип политического устройства для Европы или вообще не желающих какой-либо конституционализации. Хотя национальные партийные политики могут предложить своим сторонникам такие потенциально разделяющие возможности, тем не менее имеется прекрасная возможность для структурирования подлинно европейской партийной системы. Два комитета по разработке проекта конституции — «конфедеративного» и «федеративного» — могут служить прототипами будущей биполярной конкуренции на наднациональном уровне.

к одному из двух конституционных собраний); (5) оставляя в стороне вероятность того, что два соперничающих собрания смогут договориться о едином тексте, промежуточным продуктом этого, несомненно, продолжительного и спорного процесса, будут два варианта европейской конституции, которая потребует дальнейшего обсуждения и итоговой ратификации; (6) Совет министров должен будет выразить единодушное согласие относительно этих текстов, не обязательно указывая, какой из них более предпочтителен;¹⁸ и (7) национальные (а в некоторых странах и субнациональные) парламенты будут созваны для рассмотрения соответствующих текстов и последующей передачи их для окончательной ратификации гражданами.¹⁹

Простое существование конституционного соглашения — на 230 страницах — служит только первым шагом в процессе, который, скорее всего, затянется и исход которого будет неопределенным. И это напоминает нам, что история Европейского экономического сообщества (ЕЭС) / ЕС никогда не была историей *fait accompli*²⁰. Мы можем пойти еще дальше и сказать, что для подлинного «процесса конституционализации» необходимо поддержание связи с европейскими гражданами на протяжении длительного периода времени. Образцом для этого может служить недавний опыт Южной Африки. Ее конституционное собрание в течение года работало в открытом и публичном режиме: проводились широкие слушания; конкретных людей и группы приглашали контактировать с группой разработчиков проекта при помощи электронных средств коммуникации; постоянно публиковались и пускались в широкое обращение информационные письма; все происходящее освещалось средствами массовой информации; было сделано все, чтобы проект был доступен (более чем на десяти языках) всем гражданам; особые усилия прилагались для того, чтобы используемый язык был понятен рядовому гражданину, а финальная версия была ратифицирована только после горячего публичного обсуждения.

**ПРОСТОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СОГЛА-
ШЕНИЯ СЛУЖИТ ТОЛЬКО
ПЕРВЫМ ШАГОМ В ПРОЦЕССЕ,
КОТОРЫЙ, СКОРЕЕ ВСЕГО,
ЗАТЯНЕТСЯ И ИСХОД КОТОРО-
ГО БУДЕТ НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ**

18. Предположительно, обладая полномочием приостановить весь процесс, Совет Европы сможет влиять на работу двух собраний по разработке проектов конституции в Европейском парламенте, способствуя более беспристрастному использованию институциональных сдержек и противовесов, чем тогда, когда оно находится в руках только парламентариев.

19. Скорее всего, отдельные представители и партии будут использовать это событие для агитации за тот или иной вариант или убеждения своих сторонников отвернуть оба.

20. свершившийся факт (*фр.*).

В данном случае тот факт, что обсуждение в Южной Африке во многом определялось исторической социальной и политической травмой, не имеет значения. Следуя схожим процедурам, ЕС может получить дополнительное преимущество. Весьма вероятно, что две соперничающие версии европейской конституции будут подготовлены одновременно в одном и том же конституционном собрании, вследствие чего поток информации и, следовательно, интерес к дебатам увеличится. Гражданам, партиям, объединениям и движениям будут предлагаться соперничающие проекты, с которыми они смогут идентифицировать себя и осознать значимость собственных усилий.

ВТОРОЙ РЕФЕРЕНДУМ

Окончательная ратификация европейской конституции потребует проведения второго общеевропейского референдума, который должен будет проводиться одновременно и одинаково во всех странах-членах. Граждан попросят выбрать один из двух текстов или отвергнуть оба.

Здесь может сложиться непростая ситуация, и именно эта перспектива может способствовать более тесному сотрудничеству (если не сказать согласию) между разработчиками проектов. Европейские избиратели могут отвергнуть и конфедеративный, и федеративный тексты, хотя это кажется маловероятным, учитывая предшествующее приглашение к участию и соответствующий символический вклад. Явное большинство граждан практически во всех странах-членах, скорее всего, одобрит тот или иной вариант. Мне кажется маловероятным, если исключить непредвиденное единство мнений между национальными и субнациональными публикациями, прежде выразившими совершенно несхожие предпочтения в отношении институтов ЕС, что они одобряют один и тот же текст. Поэтому мы приходим к (предварительному) выводу, что «конфедеративный» вариант победит в одних странах, а «федеративный» — в других, а кто-то, возможно, вообще отвергнет оба. Как это ни странно прозвучит, такой результат будет точным отражением «единства в многообразии», которое является важным элементом политической реальности Европы, а также основным положением риторики еврофилов. И учет этого обстоятельства также может устранить необходимость языка жесткого выбора — либо кто-то является полным партнером, либо он не является партнером вовсе, — который может доминировать в обсуждении ЕС на уровне национальной политики.

Вопрос, конечно, заключается в том, каким должно быть «конституционное» решение при таких неоднозначных результатах. Полный отказ от какого-либо движения вперед обесмыслит все предшествующие усилия; дальнейшее движение и принятие варианта, получившего наибольшую поддержку, будет означать попрание воли (предположительно) значительно меньшинства. Несколько необычным, но все же уместным ответом будет продолжение развития обоих вариантов. Несомненно, мысль об этом пугает юридических пуристов, но, возможно, она будет жизнеспособной уступкой многообразию, присущему европейскому обществу. Предположим, что обе

конституции объединяют два элемента: (1) общее определение подотчетности с точки зрения базовых демократических принципов; (2) минимальное единство во мнениях относительно основных направлений политики. Они могут составлять двойное *acquis communautaire*, с которым согласны все нынешние и будущие члены ЕС. Расхождения могут казаться следующих вопросов:

Обратимость. Чтобы быть прочным, «федеративный» вариант должен исключать возможность выхода стран-членов (и входящих в них административно-территориальных единиц) из постоянной структуры после принятия решения о вхождении в нее, тогда как «конфедеративное» устройство должно предполагать возможность свободного выхода.

Полномочия. В более мягком варианте субсидиарные полномочия центрального правительства заранее будут ограничены определенным перечнем, а все остальные полномочия будут переданы странам-членам или входящим в них административно-территориальным единицам; в более жестком варианте будет не только более широкий перечень исключительно федеративных компетенций; его будет также легче расширять по мере появления функциональной необходимости в этом. В обоих вариантах может присутствовать возможность существования так называемых «общих» или «пересекающихся» полномочий, а также создания независимых регулирующих комиссий. Первый будет более характерен для «открытого к сотрудничеству федерализма»; последний — для более централизованной версии.

Определяющее решение. Предположительно, федеративный вариант будет в большей степени опираться на принципы взвешенного и простого большинства; в конфедеративном варианте будет подчеркиваться необходимость более высокого порога и даже единодушия по определенным вопросам. Необходимо сказать, что соответствующие роли Совета министров, Комиссии и Парламента (или их преемников), по-видимому, существенно изменятся, хотя оба варианта в большей или меньшей степени будут опираться на одни и те же институты и правила принятия в них. И в том, и в другом случае акцент будет делаться на участии правительств стран-членов (как в Германии и Швейцарии), а не отдельных граждан, объединенных по территориальным избирательным округам (как в Соединенных Штатах).

Асимметрия. Если более жесткий вариант будет следовать классической федералистской формуле, акцент будет делаться на единых правах и обязательствах для всех участвующих индивидов и объединений; более мягкий вариант может включать возможность различных форм участия (и неучастия).

Эти принципы не кажутся мне чем-то особенным, и они должны быть совместимы в одном и том же политическом образовании. Одна часть стран-членов — те, в которых преобладают сторонники конфедеративной альтернативы, — будут ограничены различными, менее жесткими правилами, чем те страны, гражда-

не которых отдали предпочтение федеративной альтернативе. Европа может иметь «центр», готовый идти дальше и быстрее к политической интеграции, и «периферию», которая принимает общие *acquis communautaire*²¹, но не желает двигаться дальше в обозримом будущем.²² Надо сказать, что последние страны будут иметь право, в полной мере ощутив на себе последствия периферийного статуса, присоединиться к первым, но только тогда, когда они уладят все формальности, связанные с межправительственными переговорами и ратификацией через общенародное голосование. Но те страны (и их население), которые изначально сделали федеративный выбор, смогут изменить свой политический статус только в исключительных обстоятельствах.

Надо сказать, что разработка проекта политического объединения, члены которого будут подчиняться двум разным конституциям (даже если одна из них будет тесно связана с другой), не имеет ничего общего с идеализмом или утопизмом. У нас есть определенные прецеденты этого (например, статус самоуправления у племен американских индейцев, «исторических областей» Испании и Квебека в Канадской федерации), и обе системы подчиняются общим юридическим процедурам при разрешении возникающих конфликтов. Будем надеяться, что эта гибкая формула отвечает реальности современной Европы (и в еще большей степени ЕС, в состав которого входит более двадцати членов) и что со временем она воплотится в жизнь.

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Baubock, R. and J. Melchior (eds.), 1997, 'Grundrechte in der Europäischen Union. Ein Konferenzbericht', Wien: Institut für Höhere Studien/Reihe Politikwissenschaft No. 44.
- Bellamy, R. and D. Castiglione, 1996, 'Constituzionalismo e democrazia in una prospettiva europea', *Teoria Politica*, vol. 12 (3), 47–70.
- Bribosia, H., 1998, Rapporteur. Quelle charte constitutionnelle pour l'Union européenne? Strategies et options pour renforcer le caractère constitutionnel des traités. Florence: Robert Schuman Centre, European University Institute.
- Castiglione, D., 1995, 'Contracts and Constitutions', in R. Bellamy, V. Bufacchi and D. Castiglione (eds.), *Democracy and Constitutional Culture in the Union of Europe*. London: Lothian Foundation Press, pp. 59–79.
- Cruz Vilaca, J. L. da, F. Herman, G. Howe, et al., 1996, *Does Europe Need a Constitution?* Brussels: The Philippe Morris Institute for Public Policy Research.
- Curtin, D., 1995, 'The Shaping of a European Constitution and the 1996 IGC: "Flexibility" as a Key Paradigm?', *Aussenwirtschaft*, vol. 50 (1), 237–256.

21. достижение членом ЕС (*фр.*).

22. Жизнеспособность такого «двойного» политического объединения в определенной степени будет зависеть от того, где возникнет этот раскол между центром и периферией. Будем надеяться, что федералисты образуют единый центр, более или менее совпадающий с первоначальной «шестеркой», а сторонники конфедерации будут расположены на северных, южных и восточных рубежах. Постепенно и добровольно внешние окраины присоединятся к центру (за исключением Швейцарии, которая, по крайней мере, в обозримом будущем, сохранит свой статус «дырки в европейском бублике»).

- Dehousse, R., 1995, 'Constitutional Reform in the European Community. Are there Alternatives to the Majority Avenue?', *West European Politics*, vol. 18 (3), 118–136.
- Diez-Picazo, L.-M., 1995, 'Reflexiones sobre la idea de constitution europea', *Revista de Instituciones Europeas*, vol. 20 (2), 533–559.
- The Economist*, 2000, 'Our Constitution for Europe', 26 October, pp. 11–12, 21–28.
- Frosini, T.E., 1996, 'Luci ed ombre di una future costituzione europea', *Studi Parlamentari e di Politica Costituzionale*, vol. 111, 67–78.
- Mancini, F.G., 1991, 'The Making of a Constitution for Europe', in R. Keohane and S. Hoffman (eds.), 1994, *The New European Community*. Boulder, CO: Westview Press, pp. 177–194.
- Padoa-Schioppa, A., 1995, 'Towards a European Constitution', *Federalist*, vol. 37 (1), 8–25.
- Pernice, I., 1999, 'Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-making Revisited?', *Common Market Law Review*, vol. 36 (4), 703–750.
- Pernice, I., 2000, 'Der europäische Verfassungsverbund auf dem Wege der Konsolidierung', *Jahrbuch des Öffentlichen Rechts der Gegenwart*, vol. 48, 205–232.
- Preuss, U.K., 1994, 'Europäische Einigung und die integrative Kraft von Verfassungen', J. Gebhardt and R. Schmalz-Bruns (eds.), *Demokratie, Verfassung und Nation. Die politische Integration moderner Gesellschaften*. Baden-Baden: Nomos, p. 271–287.
- Ransome, P. (ed.), 1991, *Towards the United States of Europe — Studies on the Making of the European Constitution*. London: Lothian Foundation Press.
- Reich, N., 1997, 'A European Constitution for Citizens: Reflections on the Rethinking of Union and Community Law', *European Law Journal*, vol. 3 (2), 131–164.
- Rousseau, D., 2000, 'Pour une Constitution européenne', *Le Debat*, vol. 108 (5), 54–73.
- Rupp, H.-H., 1995, 'Europäische "democrazia costituzionale"? La corte federale nella politica tedesca e il problema della costituzione europea', *Rivista Italiana di Scienza Politica*, vol. 27 (2), 273–306.
- Schmitter, Philippe, 1996, 'Imagining the Future of the Euro-Polity', in Gary Marks, Fritz Scharpf, Philippe Schmitter and Wolfgang Streeck, *Governance in the European Union*. London: SAGE, p. 121–150.
- Seidel, M., 1995, 'Basic Aspects of a European Constitution', *Aussenwirtschaft*, vol. 50 (1), 221–236.
- Seurin, J.-L., 1994, 'Towards a European Constitution? Problems of Political Integration', *Public Law*, vol. 38, 625–636.
- Shaw, J., 1999, 'Postnational Constitutionalism in the European Union', *Journal of European Public Policy*, vol. 6 (4), 579–597.
- Shaw, J., 2000, 'Relating Constitutionalism and Flexibility in the European Union', in G. de Burca and J. Scott (eds.), *Constitutional Change in the EU. From Uniformity to Flexibility?* Oxford: Hart, pp. 337–358.
- Velo, D., 1999, 'Costituzione europea, occupazione e sviluppo', *Nord e Sud*, Vol. 46 (5), 36–44.
- Walker, N., 1999, 'Flexibility within a Metaconstitutional Frame. Reflections on the Future of Legal Authority in Europe', Harvard Jean Monnet Working Paper 12/99. Cambridge, MA: Harvard Law School.